

На правах рукописи

Чекотков Артем Юрьевич

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ОРДЕРЫ НА АРЕСТ И НА ПРОИЗВОДСТВО
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

Специальность 12.00.09 — уголовный процесс

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва — 2016

Диссертация выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
юридический факультет

- Научный руководитель:** доктор юридических наук, профессор
Головко Леонид Витальевич
- Официальные оппоненты:** **Ведерникова Ольга Николаевна**,
доктор юридических наук, профессор,
Верховный Суд Российской Федерации,
судья
- Литвишко Петр Андреевич**,
кандидат юридических наук,
Следственный комитет Российской
Федерации, руководитель отдела
международного сотрудничества
управления международно-правового
сотрудничества
- Ведущая организация:** Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего
образования «Академия Генеральной
прокуратуры Российской Федерации»

Защита состоится «20» декабря 2016 г. в 15 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 501.001.73 на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 13-14, 4-й учебный корпус, юридический факультет, ауд. 535 А.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, Фундаментальная библиотека, сектор А, 8 этаж, комната 812 и на сайте www.istina.msu.ru.

Автореферат разослан « ___ » _____ 201_ г.

**Ученый секретарь
диссертационного совета**

Анна Аветиковна Арутюнян

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. «Российская Федерация и Европейский Союз намерены укреплять правовое сотрудничество в том числе в вопросах выдачи и оказания правовой помощи по уголовным делам, включая вопросы выявления, наложения ареста, конфискации и возврата имущества, полученного в результате террористической деятельности. В этих целях мы продолжим развивать сотрудничество между компетентными органами Российской Федерации и Европейского Союза»¹ - такой вывод содержит совместное заявление России – ЕС по борьбе с терроризмом, принятое по итогам последнего саммита, прошедшего 28 января 2014 г. в Брюсселе. Безусловно, оптимистичный характер приведенного положения на фоне ухудшения двусторонних отношений воспринимается более как декларативный, нежели имеющий какие-либо объективные предпосылки для внедрения в практику сотрудничества. Однако, как бы не был высок градус сложившейся внешнеполитической дискуссии, современное мировое сообщество испытывает на себе влияние уже не точечных проявлений новейших форм преступности, а масштабной угрозы в лице слившегося воедино международного терроризма и деятельности организованных преступных групп.

Отмеченные обстоятельства приводят к тому, что для построения эффективной системы сотрудничества государств в области борьбы с преступностью уже недостаточно закрепить ряд декларативных выводов и провозгласить заявления о намерениях патетического характера. На первый план выходит реализация отдельных процессуальных механизмов, которые должны стать базисными элементами системы взаимодействия государств, направленной на преодоление проблемы развития мирового терроризма и транснациональной преступности.

Существенную роль в формировании указанных правовых конструкций играет уголовно-процессуальная наука. Разработка доктринальных подходов, на

¹ URL: <http://kremlin.ru/supplement/1602> (дата обращения: 11.09.2016).

основании которых создаются институты международного сотрудничества, всесторонняя оценка и комплексный анализ имеющихся механизмов, теоретически обоснованные предложения по дальнейшему совершенствованию законодательства – все это позволяет сконструировать действительно эффективные средства, перед которыми поставлены задачи объединить усилия мирового сообщества в вопросе борьбы с преступностью.

Таким образом, стремления государств, направленные на развитие новейших институтов, учитывающих все особенности современных форм преступности, наряду с доктринальными разработками, способствуют постоянному развитию средств межгосударственного взаимодействия. Особое место в данном процессе занимает правовая система Европейского Союза. В рамках обозначенного регионального образования идет непрерывный процесс совершенствования нормативной базы, регулирующей вопросы кооперации стран-участниц в области противодействия преступным посягательствам. В результате в течение непродолжительного периода времени обозначенные общественные отношения составили предмет совместной компетенции Европейского Союза и государств-членов – «Пространство свободы, безопасности и правосудия». Тем самым была упразднена третья опора ЕС «Полицейское и судебное сотрудничество по уголовным делам», подвергавшаяся обоснованной критике как в академических кругах, так и на официальном уровне.

В данной связи обращают на себя внимание не изменения организационного построения сотрудничества стран-участниц ЕС, а модификация базовых идей, которые лежат в его основе. Результатом отмеченных преобразований стало закрепление в правовом пространстве Европейского Союза принципа взаимного признания приговоров и судебных решений, предполагающего автоматическое признание судебных актов, вынесенных в рамках производства по уголовному делу, всеми государствами-членами ЕС. Основываясь на положениях данного принципа были созданы институты европейского ордера на арест и ордера на производство следственных действий.

Обозначенные правовые конструкции стали уникальными механизмами, не имеющими аналогов в практике международного взаимодействия, что уже заставляет обратиться к анализу их правовых особенностей. Однако, несмотря на относительно непродолжительный период функционирования данных институтов, в настоящее время существует необходимость уделить внимание сущностным аспектам проведенных реформ, дабы понять, действительно ли они ознаменовали смену парадигмы в вопросах регулирования сотрудничества государств-членов ЕС или изменениям подверглась лишь процедура его осуществления. Разрешение указанного вопроса, с нашей точки зрения, способствует всесторонней оценке эффективности новейших форм взаимодействия государств в рамках Европейского Союза, что также важно и в плане взаимодействия России и ЕС в сфере уголовного судопроизводства.

Несмотря на специфику интеграционных связей ЕС, отдельные элементы реформированной системы сотрудничества стран-участниц могут быть использованы для совершенствования взаимодействия России и государств постсоветского пространства, например, в рамках ЕврАзЭС, либо стать основой для модификации имеющихся механизмов международного сотрудничества в правовой системе Российской Федерации. В современных условиях, когда международный терроризм и транснациональная преступность стали в ряд глобальных проблем мирового сообщества, взвешенная и комплексная оценка зарубежного опыта построения сотрудничества в области борьбы с преступностью видится более чем актуальной.

Степень научной разработанности темы. Отечественная доктрина уделяет существенное внимание рассмотрению особенностей права Европейского Союза. В рамках проведения исследований общих вопросов построения правовой системы ЕС также анализируются и проблемы организации сотрудничества государств-членов в области борьбы с преступностью. Так, отдельные аспекты взаимодействия стран-участниц ЕС в интересующей нас сфере исследовались в работах М. М. Бирюкова, П. Н. Бирюкова, О. Н. Ведерниковой, А. Г. Волеводз, В. М. Волженкиной, А. Я. Капустина, С. Ю. Кашкина, П. А. Литвишко,

М. Н. Марченко, В. В. Милинчук, Б. Н. Топорнина, А. О. Четверикова, Л. М. и М. Л. Энтиных.

Следует отметить ряд диссертационных трудов, появившихся в последние годы, которые посвящены сугубо вопросам сотрудничества стран-участниц ЕС в рамках борьбы с преступностью. Э. И. Дамиричев исследовал теоретические и практические аспекты взаимодействия государств-членов в обозначенной сфере. Р. Р. Шамстудинова провела анализ пространства свободы, безопасности и правосудия. Г. Р. Шайхутдинова подняла проблему организации продвинутого сотрудничества в европейском праве. Е. С. Лаговская рассмотрела предпосылки и перспективы развития европейского уголовного права. Особый интерес заслуживает работа на соискание ученой степени доктора юридических наук О. М. Мещеряковой. Отметим также, что и политическая наука не обошла вниманием вопросы сотрудничества государств в рамках ЕС, которые анализируются в работе О. Ю. Потемкиной.

Отмечая публикации в периодических изданиях, необходимо обратить внимание на совместную работу З. А. Аскерова и Н. А. Сафарова, в которой проводится всесторонняя оценка принципа взаимного признания приговоров и судебных решений. Заслуживает внимания и статья О. В. Панюшкина, посвященная порядку имплементации в правовую систему ФРГ наднациональных норм ЕС, регламентирующих вопросы сотрудничества.

В отечественной доктринальной литературе также встречаются исследования, непосредственно затрагивающие отдельные особенности регулирования европейского ордера на арест. Среди них выделим труды А. Р. Каюмовой, О. М. Мещеряковой, Н. А. Сафарова, Л. М. Соколовой. В то же время следует констатировать отсутствие на настоящее время работ, посвященных европейскому ордеру на производство следственных действий. Отдельные упоминания о нем имеются в статье В. В. Войникова, Курсе уголовного процесса, подготовленном коллективом кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ имени М. В. Ломоносова под

редакцией Л. В. Головки (автор параграфа, посвященного ордеру на производство следственных действий, – М. А. Михеенкова).

Таким образом, необходимо отметить, что российская наука уделяет существенное внимание исследованию как вопросов правовой системы Европейского Союза в целом, так и анализу проблем сотрудничества государств-членов в сфере борьбы с преступностью. В свою очередь, литература, затрагивающая институты ордеров на арест и на производство следственных действий, немногочисленна. Применительно к ордеру на арест отдельные особенности реализации механизма были исследованы только непосредственно после его появления, соответственно, за рамками доктринальных разработок остается комплекс проблем, возникших в практике применения данного института. Ордер на производство следственных действий – в силу его новизны – в принципе не получил каких-либо значимых оценок в отечественной доктрине.

Иная ситуация складывается в европейской академической среде. Регулирование общественных отношений в области борьбы с преступностью всегда являлось одним из наиболее противоречивых в рамках Европейского Союза. Естественно, существенную роль в разрешении возникающих проблем берет на себя доктрина. В результате количество литературы, в которой анализируется указанная сфера, достаточно велико. Обозначая особенности проведенных исследований, в первую очередь стоит отметить фундаментальные труды авторов, уделяющих значительное внимание уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сфере правовой системы ЕС. Среди них А. Арнул (A. Arnulf), М. Бассиони (M. Bassiouni), В. Митсилегас (V. Mitsilegas), С. Мерфи (C. Murphy), С. Пирс (S. Peers), Дж. Ашер (J. Usher). Выделим классическую работу на французском языке голландца Г. Корстенса (G. Corstens) и француза Ж. Праделя (J. Pradel), в которой проводится комплексный анализ европейского уголовного и уголовно-процессуального права.

Детальному исследованию подверглись вопросы, непосредственно касающиеся принципа взаимного признания приговоров и судебных решений и европейского ордера на арест. Обращая внимание на монографические труды,

отметим новейшую работу С. Джанссенса (C. Janssens), в которой поднимается комплекс проблем, связанных с принципом взаимного признания. Европейскому ордеру на арест посвящены монографии таких исследователей как Р. Блэкстун (R. Blextoon), М. Фичера (M. Fichera), М. Флетчер (M. Fletcher), Е. Эрлин-Карнел (E. Herlin-Karnell), Р. Луф (R. Loof), М. Плахта (M. Plachta). Ордер на производство следственных действий еще не получил такого же широкого освещения и из наиболее значимых трудов сделаем акцент на сборнике статей, выпущенных под редакцией С. Руггери (S. Ruggeri), который вобрал в себя работы таких авторов как А. Арена (A. Arena), Р. Белфиоре (R. Belfiore), Т. Рафараси (T. Rafaraci), Б. Шенеманн (B. Schünemann), Р. Воглер (R. Vogler).

Существенное значение в европейской доктрине играют публикации в периодике. Среди наиболее авторитетных изданий фигурируют такие как Журнал европейского права (European law journal), Журнал европейского публичного права (European public law), Обзор права общего рынка (Common market law review). Из многочисленных опубликованных в них статей, предметом которых стали институты, выбранные для исследования, наиболее существенными являются работы М. Фичеры (M. Fichera), Е. Эрлин-Карнел (E. Herlin-Karnell), Дж. Комарека (J. Komarek), В. Митсилегаса (V. Mitsilegas). Среди статей, вышедших в других периодических изданиях, отметим труды Л. Бахмайэр Винтер (L. Bachmaier Winter), С. Хаггенмуллера (S. Haggemuller), Т. Констадинидеса (T. Konstadinides), О. Полличино (O. Pollicino), Л. Марин (L. Marin), С. Мерфи (C. Murphy), Е. Хантополу (E. Xanthopoulou).

Необходимо подчеркнуть, что в связи с существенным ограничением прав и свобод человека в процессе реализации ордеров на арест и на производство следственных действий, активную роль в исследовании данных правовых конструкций играют общественные организации. Выделим две: Европейская парламентская исследовательская служба (European parliamentary research service) и «Надзор за экстрадицией» («Extradition watch»). В рамках осуществления своей деятельности они проводят полноценный анализ данных институтов, выявляя в том числе проблемы и негативные аспекты их реализации.

Однако, несмотря на большое количество зарубежных работ, посвященных ордерам на арест и на производство следственных действий, необходимо принимать во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, подавляющее большинство исследований европейского ордера на арест проходили в первые годы после его создания и сосредотачивались лишь на анализе обновленной процедуры передачи лиц в рамках ЕС. Таким образом, в настоящее время отсутствует исследование комплексного характера, которое посвящено рассмотрению сущностных (не процедурных) аспектов данного механизма, а также новейших проблем его реализации, от разрешения которых зависит дальнейшая перспектива развития института. Во-вторых – относительно ордера на производство следственных действий – заметим, что в имеющихся работах анализируются лишь проекты законодательных актов, предлагающих создать новую правовую конструкцию. Полноценный анализ Директивы ЕС, принятой в 2014 г., в соответствии с которой реализуется институт, на настоящий момент отсутствует. Обозначенные замечания в совокупности с фрагментарным характером научных трудов, имеющихся в отечественной доктрине, обуславливают настоятельную необходимость проведения более детального исследования институтов европейского ордера на арест и европейского ордера на производство следственных действий.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования заключается в проведении комплексного анализа институтов европейского ордера на арест и европейского ордера на производство следственных действий, посредством которых были заменены традиционные механизмы сотрудничества в сфере борьбы с преступностью в рамках Европейского Союза, а также в выявлении сущностных аспектов проведенных реформ, на основании которых возможно определить изменения парадигмы в области сотрудничества государств-членов ЕС.

Обозначенная цель достигается путем решения следующих **задач диссертационного исследования:**

- проанализировать теоретические основы международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, рассмотреть основные подходы к определению содержания данного понятия, выявить и охарактеризовать формы и направления его осуществления;
- изучить современное состояние нормативно-правовой базы, на которой строится сотрудничество государств-членов Европейского Союза;
- установить предпосылки упразднения традиционных механизмов сотрудничества стран-участниц ЕС и создания институтов европейского ордера на арест и европейского ордера на производство следственных действий;
- провести анализ концептуальных особенностей европейского ордера на арест сквозь призму надлежащего соблюдения прав и свобод человека, а также выявить противоречия, возникшие в практике применения данного института;
- определить истинные мотивы, на основании которых наднациональные власти Европейского Союза модифицировали механизмы осуществления взаимной правовой помощи по уголовным делам, перейдя от европейского ордера на получение доказательств к европейскому ордеру на производство следственных действий.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации институтов европейского ордера на арест и европейского ордера на производство следственных действий, предпосылки возникновения обозначенных правовых конструкций, а также проблемы, возникшие в практике их применения.

Предмет исследования составляют нормативно-правовые акты Европейского Союза, положения национальных законодательств стран-участниц ЕС, регулирующие новые механизмы сотрудничества, практика их применения, а также теоретические разработки отечественной и европейской доктрины, связанные с указанным объектом исследования.

Методология исследования. При проведении исследования используются системный подход к изучению анализируемых проблем с применением исторического, сравнительно-правового и юридико-технического методов.

Нормативную базу исследования охватывают положения международных договоров, регулирующих вопросы международного сотрудничества в области борьбы с преступностью, учредительные документы и нормативно-правовые акты Европейского Союза, национальное законодательство государств-членов ЕС.

Эмпирическая база исследования состоит из решений Суда Европейского Союза, затрагивающих вопросы европейского ордера на арест и ордера на производство следственных действий, а также из решений Конституционных судов государств-членов ЕС.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена тем, что оно является первым в юридической науке комплексным монографическим исследованием, в котором анализируются сущностные аспекты изменения механизмов сотрудничества государств-членов ЕС в области борьбы с преступностью. Проводится рассмотрение проблем, возникших в рамках реализации европейского ордера на арест, впервые детально исследуются предпосылки создания европейского ордера на производство следственных действий, а также процедура его исполнения.

Научная новизна исследования определяется **положениями, выносимыми на защиту**:

1. В отсутствие устоявшейся трактовки понятия международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью и с учетом выделяемых в науке признаков под ним следует понимать деятельность государств, которая основывается на положениях международных договоров и национального законодательства и преследует цель борьбы с проявлениями международной и национальной преступности. Для осуществления обозначенной деятельности создан комплекс различных по своей природе механизмов, среди которых особе место занимают уголовно-

процессуальные средства, что, в свою очередь, позволяет говорить о международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства.

2. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, являясь одним из направлений взаимодействия государств в сфере борьбы с преступностью, осуществляется посредством реализации двух классических институтов, которые имеют сугубо процессуальную природу и применяются в рамках производства по уголовному делу: 1) экстрадиции и 2) взаимной правовой помощи по уголовным делам.
3. Правовое регулирование сотрудничества государств-членов ЕС в сфере уголовного судопроизводства, исторически отталкиваясь от двух указанных традиционных институтов, в настоящее время отражает существенное противоречие, характерное для двухступенчатой правовой системы Европейского Союза. Оно заключается в невозможности установить приоритет какого-либо из ее элементов. Одним из них (национальный элемент) выступает государственный суверенитет стран-участниц и верховенство Конституции, другим (наднациональный элемент) – общеобязательные акты ЕС прямого действия. Для сглаживания указанного противоречия создан ряд правовых конструкций, закрепляющих компромиссный характер регулирования общественных отношений в рамках сотрудничества государств-членов ЕС. Обозначенная проблема не только является следствием специфики правовой системы Европейского Союза, но и затруднительна с точки зрения поиска путей ее решения.
4. Правовой основой создания институтов европейского ордера на арест и европейского ордера на производство следственных действий стал принцип взаимного признания приговоров и судебных решений. В дальнейшем комплекс организационных, правовых, процессуальных и политических предпосылок привел к тому, что традиционные механизмы сотрудничества (экстрадиция и взаимная правовая помощь по уголовным делам) были заменены на европейский ордер на арест и европейский ордер на производство следственных действий.

5. Концептуальные положения европейского ордера на арест, направленные на преодоление противоречия между наднациональным и национальным уровнями правового регулирования и определенных технических недостатков института экстрадиции, сложившихся в условиях ЕС, существенно сократили объем гарантий надлежащего соблюдения отдельных прав и свобод человека в процессе реализации обновленной процедуры передачи лиц между государствами-членами ЕС. Прежде всего, с точки зрения соблюдения конституционного права (для некоторых стран) не быть выданным государству, гражданином которого лицо не является, фундаментальных прав, связанных с обеспечением требования «двойного вменения» и принципа «ne bis in idem», реализации права на обжалование решения о передаче, права на возмещение вреда в случае незаконного заключения под стражу, права на юридическую помощь и др.
6. Практика применения европейского ордера на арест продемонстрировала отсутствие оптимального баланса между требованиями безопасности (стремлением эффективно реализовать новый механизм) и интересами личности (надлежащим соблюдением прав и свобод человека). Комплекс проблем, вызванных данным обстоятельством, привел к тому, что анализируемый институт не смог надлежащим образом встроиться в правовую систему Европейского Союза. В результате в настоящий момент поставлена задача реформировать институт европейского ордера на арест, которая должна выразиться в разработке нормативных положений, направленных на создание эффективных средств правовой защиты, модификации перечня преступлений, на которые не распространяется действие принципа «двойного вменения», предоставлении гарантий оказания юридической помощи как в выдавшем, так и в исполняющем ордере на арест государстве, и др.
7. Европейский ордер на арест является одним из механизмов, используя который, наднациональные власти легитимируют идею дальнейшего углубления интеграции в рамках Европейского Союза. Отмена запрета

выдачи собственных граждан, ограничение действия принципа «двойного вменения», практика суда ЕС, связанная с особенностями реализации европейского ордера на арест, попытка разрешить возникшие проблемы применения института на наднациональном уровне и т.д. свидетельствуют о том, что стратегическая цель создания новой правовой конструкции заключалась в дальнейшем ограничении суверенитетов государств-членов ЕС.

8. Созданию европейского ордера на производство следственных действий предшествовало закрепление в правовом пространстве ЕС института европейского ордера на получение доказательств. Однако, учитывая нормативные особенности указанного механизма, возможность его эффективного функционирования оказалась под сомнением, в силу чего данный институт не был полноценно реализован в практической деятельности и произошла его замена на европейский ордер на производство следственных действий (Директива Европейского парламента и Совета ЕС от 3 апреля 2014 г.).
9. Имплементация европейского ордера на производство следственных действий, которая должна завершиться до 22 мая 2017 г., на официальном уровне объясняется ограниченной сферой применения европейского ордера на получение доказательств и проблемами реализации традиционных механизмов осуществления взаимной правовой помощи в условиях ЕС. Не отрицая наличие обозначенных противоречий, следует констатировать, что в реальности новый институт стал еще одним инструментом расширения евроинтеграции в сфере уголовной юстиции, поскольку при закреплении европейского ордера на производство следственных действий чаще всего конструировались положения, направленные не столько на преодоление юридико-технических проблем, сколько на дальнейшее ограничение суверенитета государств-членов Европейского Союза. Так, например, в процессе реализации новой правовой конструкции запрашиваемое государство может быть связано требованиями ордера, в результате чего

будет обязано действовать в соответствии с процессуальным законодательством запрашивающей стороны. Следственные действия могут производиться в отношении деяний, которые не являются преступными в исполняющем государстве (ограничение принципа «двойного вменения»), при этом единственный предоставленный механизм защиты индивидуальных прав сводится к подаче искового заявления в стране, выдавшей ордер.

Теоретическая значимость исследования определяется его новизной и актуальностью. Основные выводы исследования могут служить основанием для дальнейшей теоретической разработки институтов европейского ордера на арест и европейского ордера на производство следственных действий.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных выводов в процессе законотворческой деятельности, направленной на совершенствование институтов сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, а также в повышении эффективности международного сотрудничества по уголовным делам с отдельными государствами-членами ЕС и с Европейским Союзом в целом. Результаты исследования могут стать основой для организации более продуктивного взаимодействия Российской Федерации и стран, входящих с ней в единые интеграционные образования (ЕврАзЭС, Шанхайская организация сотрудничества и др.)

Кроме того, полученные в процессе исследования данные могут быть использованы для преподавания курсов «Уголовный процесс», «Уголовный процесс зарубежных стран», «Европейское право» в учебных заведениях юридического профиля.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Степень достоверности результатов исследования обусловлена комплексным анализом отечественных и зарубежных доктринальных источников по теме диссертации, рассмотрением европейской судебной практики, постановкой целей исследования, формированием необходимого количества

научных задач, избранной методологической основой исследования, верификацией выводов диссертации посредством сопоставления нормативной и эмпирической основ исследования.

Результаты исследования доложены, обсуждены и одобрены на заседании кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Основные положения и выводы исследования нашли отражение в опубликованных автором четырех статьях в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации, два из которых входят в перечень Russian science citation index (RSCI), а также были использованы им при проведении семинарских занятий по учебной дисциплине «Уголовный процесс» на юридическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова.

Структура диссертации определяется поставленными задачами и целью. Диссертация состоит из введения, трех глав, охватывающих шесть параграфов и двенадцать подпараграфов, заключения и списка используемой литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** отражается актуальность темы диссертации и степень ее разработанности, определяется цель, задачи, объект, предмет, методология и методы исследования, а также нормативная и эмпирическая база исследования, обосновывается научная новизна, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения об апробации результатов исследования, указывается структура диссертации.

Первая глава «Сотрудничество государств-членов Европейского Союза в сфере уголовного судопроизводства» состоит из двух параграфов, каждый из которых включает в себя по два подпараграфа. Обозначенная часть исследования посвящена рассмотрению понятия международного сотрудничества в сфере

борьбы с преступностью, проводится анализ его форм и направлений, а также освещаются правовые основы, регулирующие данный вид взаимодействия государств в рамках Европейского Союза.

Первый параграф «Теоретические основы международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью» содержит обобщение доктринальных подходов к определению международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, анализируются его формы и выделяются отдельные направления данной деятельности с целью дальнейшего использования полученных выводов применительно к институтам международного сотрудничества, созданным в рамках Европейского Союза.

В первом подпараграфе «Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью: понятие» автор освещает многогранность трактовки правовой категории международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью, которое может пониматься как один из принципов международного права, одно из направлений уголовной политики, определенный вид деятельности государств. Учитывая цели исследования, состоящие в анализе конкретных проявлений взаимодействия государств в сфере борьбы с преступностью, диссертант сосредотачивает внимание на рассмотрении деятельностного аспекта международного сотрудничества и выделяет основные признаки обозначенной деятельности.

В первую очередь обращается внимание на сферу международного сотрудничества, которая охватывает как международные, так и национальные формы преступности.

Вторая особенность анализируемого понятия характеризует его функциональную составляющую и заключается в наличии широкого спектра мер: материально-правовых, процессуальных, организационных, информационных и др., посредством которых реализуется сотрудничество государств в сфере борьбы с преступностью. Среди обозначенных механизмов особое место занимают те из них, которые имеют уголовно-процессуальную природу, в связи с

чем делается вывод о существовании более узкого понятия – международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Третий признак обусловлен особенностями нормативно-правового регулирования международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, которое включает в себя два элемента: национальный и международный. В ходе исследования обращается внимание на имеющееся противоречие между указанными компонентами, вызванное тем, что государства сталкиваются с необходимостью передавать на международный уровень часть суверенных прав в области уголовной юстиции.

В завершении данного подпараграфа автор приходит к выводу о том, что международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью - это определенный вид деятельности государств, основывающийся на положениях международных договоров и национального законодательства, целью которой является борьба с проявлениями международной и национальной преступности.

Во втором подпараграфе «Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью: формы, направления» понятие международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью рассматривается с точки зрения анализа его форм и направлений.

Отмечая широкий диапазон подходов, имеющих в доктрине, к определению категорий форма и направление международного сотрудничества, автор оставляет за границами работы рассмотрение отдельных форм взаимодействия государств в области борьбы с преступностью, так как они характеризуют интересующую сферу деятельности государств с организационной стороны и не способствуют достижению целей, поставленных в работе.

Вместе с тем обосновывается, что деятельность по реализации комплекса уголовно-процессуальных институтов, посредством которых осуществляется международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью, следует определять как одно из его направлений – сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства.

В рамках данного подпараграфа также устанавливаются критерии, на основании которых следует относить тот или иной институт именно к сотрудничеству в рамках уголовного судопроизводства: процессуальный характер отдельного механизма и применение его компетентным органом в целях осуществления расследования и судебного рассмотрения уголовных дел. В результате автор приходит к выводу о том, что сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства реализуется посредством двух классических институтов: экстрадиции и взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Диссертант обращает внимание на то, что, несмотря на наличие в доктрине уголовного процесса большого количества определений понятия экстрадиции, оно является устоявшимся и не вызывает фундаментальных споров среди ученых-юристов.

В то же время отмечается дискуссионный характер правовой природы института взаимной правовой помощи по уголовным делам. На основании правовых особенностей данного механизма, а также с учетом целей его реализации и нормативно-правового регулирования, автор приходит к выводу о том, что наиболее точно характеризует современное состояние института взаимной правовой помощи по уголовным делам и его юридическую природу трактовка, в соответствии с которой он является одним из проявлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Во втором параграфе «Характеристика сотрудничества государств-членов Европейского Союза в сфере уголовного судопроизводства» исследованы нормативные основы, регулирующие сотрудничество стран-участниц ЕС в данной области, а также продемонстрировано современное состояние институтов, посредством которых реализуется обозначенный вид взаимодействия.

В первом подпараграфе «Правовые основы сотрудничества государств-членов Европейского Союза в сфере уголовного судопроизводства» рассмотрены учредительные документы Европейского Союза – Договор о Европейском Союзе и Договор о функционировании Европейского Союза – на предмет закрепления в

них положений, касающихся анализируемой сферы деятельности государств-членов.

Автор отмечает, что регулирование международного сотрудничества на протяжении всего процесса становления Европейского Союза сталкивается с существенными противоречиями, обусловленными следующими причинами. Во-первых, указывается на диссонанс целей, которые преследуют страны-участницы ЕС: с одной стороны, построение на наднациональном уровне эффективных механизмов борьбы с транснациональной преступностью, с другой – очевидное нежелание европейских государств передавать свои суверенные права по регулированию рассматриваемой сферы на уровень Союза.

Во-вторых – отмечается разнообразие национальных уголовно-процессуальных систем европейских государств, которое ставит определённые барьеры для выработки единых правовых актов, регулирующих вопросы сотрудничества в области уголовного судопроизводства.

Учитывая отмеченные обстоятельства, автор исследует учредительные документы ЕС (в редакции Лиссабонского договора) и приходит к выводу о том, что особенности закрепления положений, регулирующих судебное сотрудничество государств-членов в рамках пространства свободы, безопасности и правосудия, демонстрируют наличие противоречия между национальным и наднациональным методами регламентации общественных отношений.

С одной стороны, базовыми документами созданы условия для усиления влияния права Союза на национальные правовые системы, с другой – государства-члены скептически воспринимают положения наднациональных правовых актов, регулирующих сферу уголовной юстиции. Принимая во внимание отмеченные факторы, в актах первичного права ЕС созданы механизмы, нацеленные на сглаживание данного противоречия: это и одновременное закрепление принципов взаимного признания судебных решений и гармонизации законодательств, и институт продвинутого сотрудничества, и процедура

«emergency break» (вспомогательная пауза).² В результате обозначенная ситуация позволяет говорить о компромиссном пути, на который встали государства-члены ЕС в разрешении сложившейся проблемы.

Вместе с тем диссертант приходит к выводу о том, что компромиссный метод регулирования общественных отношений является единственным возможным вариантом функционирования двухступенчатой правовой системы Европейского Союза. Сам характер связей правовых систем государств-членов и ЕС в целом приводит к тому, что на чаше весов оказываются аналогичные по своей значимости правовые постулаты: государственный суверенитет стран-участниц и верховенство Конституции, с одной стороны, и в то же время принцип верховенства права ЕС и наличие общеобязательных актов Союза, которые могут не соответствовать конституционным положениям и ограничивать суверенитет, с другой стороны. Определить, что в данной ситуации является приоритетным, не представляется возможным, а потому и создаются механизмы, направленные на сглаживание противоречий.

Во втором подпараграфе «Эволюция институтов сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в рамках Европейского Союза» продемонстрировано поступательное развитие институтов экстрадиции и взаимной правовой помощи по уголовным делам в условиях ЕС.

Изначально реализация механизмов сотрудничества происходила в соответствии с нормами, установленными региональными соглашениями в рамках Совета Европы. Так, процедура экстрадиции осуществлялась на основе Европейской конвенции о выдаче (1957 г.), а взаимная правовая помощь по уголовным делам регулировалась Европейской конвенцией о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1959 г.).

Однако диссертант указывает на то, что в процессе развития интеграционного взаимодействия государства-члены ЕС пришли к выводу о необходимости создания собственных, более эффективных нормативных актов. В

² Институты продвинутого сотрудничества и «emergency break» являются проявлением так называемой «гибкой интеграции» в праве ЕС. Так, если в случае установления продвинутого сотрудничества государства-члены могут расширить взаимодействие в какой-либо из сфер, то применение института «emergency break», напротив, может его замедлить, приостанавливая процедуру принятия нормативного акта Союза.

результате были приняты следующие документы: Конвенция об упрощенной процедуре экстрадиции от 10 марта 1995 г. и Конвенция об экстрадиции от 27 сентября 1996 г., регламентирующие вопросы выдачи, а также Конвенция от 29 мая 2000 г. о взаимной правовой помощи по уголовным делам. Если первые две конвенции не вступили в силу, то акт, касающийся взаимной правовой помощи, стал полноценным инструментом, закрепившим основные положения обозначенного института в пространстве ЕС.

В исследовании также отмечается, что причины обозначенных реформ во многом связаны с параллельным процессом изменения в подходах к регулированию судебного сотрудничества государств-членов Европейского Союза, которые закреплялись на наднациональном уровне. Особое внимание уделяется саммиту ЕС, проходившему 15 и 16 октября 1999 г. в г. Тампере. Именно тогда в основу сотрудничества государств-членов был положен принцип взаимного признания приговоров и судебных решений, сущность которого заключается в автоматическом признании на территории ЕС судебных решений, вынесенных в рамках осуществления производства по уголовному делу.

Автор отмечает, что страны-участницы выразили скептическое отношение к этому принципу. Однако, несмотря на данное обстоятельство, наличие организационных, правовых, процессуальных и политических предпосылок способствовало одобрению ряда новейших мер, которые заменили институты выдачи и взаимной правовой помощи по уголовным делам (в их традиционном понимании).

13 июня 2002 г. Европейским советом было принято рамочное решение «О Европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами»,³ которое отменило формальную процедуру экстрадиции между странами-участницами ЕС.

3 апреля 2014 г. была принята Директива «О Европейском ордере на производство следственных действий», установившая новый порядок получения

³ Council Framework Decision on the European arrest warrant and the surrender procedures between Member States 2002/584/JHA // Official Journal of the European Union. L 190. 18.7.2002. P. 1–20.

доказательств по делам с трансграничным элементом.⁴ Процесс имплементации положений, содержащихся в данном документе, должен завершиться до 22 мая 2017 г., с этой даты утратят силу иные механизмы, созданные на основе принципа взаимного признания, которые изначально лишь частично модифицировали институт взаимной правовой помощи по уголовным делам: ордер на арест имущества и доказательств, ордер о конфискации, европейский ордер на получение доказательств.

Вторая глава «Европейский ордер на арест: институт передачи лиц между государствами-членами Европейского Союза» состоит из двух параграфов, объединяющих четыре подпараграфа. В обозначенной части работы исследуются противоречия, возникшие в связи с упразднением традиционных положений, характерных для процедуры экстрадиции, а также практические проблемы применения европейского ордера на арест, проявившиеся в последние годы его функционирования. В основу анализа положен вопрос о надлежащем соблюдении прав и свобод человека при реализации новой правовой конструкции.

Первый параграф «Европейский ордер на арест: концептуальные положения реформы» состоит из двух подпараграфов, в которых рассматриваются правовые затруднения, связанные с отменой концептуальных положений, присущих институту экстрадиции: 1) запрета выдачи собственных граждан и 2) принципа «двойного вменения».

В первом подпараграфе «Преодоление запрета выдачи собственных граждан» анализируется коллизия, образовавшаяся между нормативными актами стран-участниц, имплементирующими Рамочное решение о европейском ордере на арест, и конституциями государств-членов. Обозначенная проблема связана с отменой запрета на выдачу граждан исполняющего ордер государства, которая произошла в связи с введением европейского ордера на арест. Данное правило не только содержится в международных соглашениях, касающихся экстрадиции, но и закреплено в нормативных актах самих государств, более того, в ряде случаев

⁴ Directive of the European Parliament and of the Council regarding the European Investigation Order in criminal matters. 2014/41/eu // Official Journal of the European Union. L 130. 1.5.2014. P. 1-36.

оно возведено в ранг конституционных положений (например, в Германии, Чехии, Польше, Кипре). Таким образом, образовалось прямое несоответствие между наднациональным и национальным правовым регулированием.

Анализируя указанное противоречие, диссертантом рассмотрены решения Конституционных судов трех государств: Германии, Чехии и Польши. В результате констатируется отсутствие единого подхода в разрешении сложившейся ситуации. Так, судебными инстанциями были выражены три различные точки зрения: а) *немецкая*, в соответствии с которой наднациональные положения, не соответствующие Конституции, не должны применяться; б) *польская*, исходя из которой в случае возникновения коллизии национальный закон подлежит изменению и должен быть приведен в соответствие с положениями права Союза; в) *чешская*, по сути, провозгласившая верховенство права ЕС над конституционными положениями.

В связи с этим автор отмечает, что отмена запрета выдачи собственных граждан подняла проблему соблюдения надлежащего баланса между наднациональными нормами и конституционными положениями, имманентно присущую правовой системе ЕС. Вместе с тем в данном случае констатируется отсутствие нормативного компромисса между элементами правовой системы ЕС, так как на сегодняшний день правило о запрете выдачи собственных граждан либо прямо отменено, либо созданы условия для преодоления конституционного запрета (как, например, в Германии). С одной стороны, указанная ситуация позволила полноценно функционировать европейскому ордеру на арест. С другой, граждане ЕС были лишены одной из гарантий, предоставленных Конституциями стран-участниц.

Диссертант также обращает внимание на то, что посредством отмены анализируемого требования ограничивался и суверенитет государств-членов, которые по решению наднациональных властей лишались возможности полного распространения своей юрисдикции на собственных граждан в случае исполнения европейского ордера на арест.

Во втором подпараграфе «Отказ от принципа «двойного вменения»

исследовано еще одного концептуальное положение реформы, выраженное в ограничении действия принципа «двойного вменения»⁵ - он перестал распространяться в отношении 32 составов преступлений, указанных в Рамочном решении. Вместе с тем автором проанализированы противоречия, связанные с правилом «ne bis in idem» (никто не должен дважды нести наказание за одно преступление), которые также стали следствием ограничения действия принципа «двойного вменения».

Обозначенное концептуальное преобразование положительно сказалось на эффективности новой процедуры передачи, однако стало обоснованным поводом для критики института на предмет нарушения принципа законности и, как следствие, прав и свобод лиц, подлежащих передаче.

Несмотря на критику указанной новеллы, возникшую в академических кругах, Суд Европейского Союза в решении по делу *Advocaten voor de Wereld*⁶ признал, что ограничение действия принципа «двойного вменения» не противоречит базовым идеям европейского права, а именно принципу законности, равенства и запрета дискриминации. Таким образом, принцип «двойного вменения» в настоящее время функционирует в том виде, в котором закреплен в Рамочном решении.

В то же время автор подчеркивает, что при столкновении с коллизией между правами и свободами человека, с одной стороны, и европейским ордером на арест, с другой стороны, выбор был сделан в пользу надлежащего функционирования нового института с оговоркой о том, что в данном случае отсутствуют какие-либо нарушения фундаментальных прав.

Вместе с тем обосновывается вывод о том, что сужение действия принципа «двойного вменения» стало еще одним инструментом, ограничивающим суверенитет стран-участниц ЕС. Так, может сложиться ситуация, при которой государство будет обязано выдать лицо за совершение преступления, которое не является уголовно-наказуемым по законодательству исполняющей стороны, что

⁵ Принцип «двойного вменения» устанавливает условие для реализации процедуры экстрадиции, которое предполагает квалификацию противоправных действий в качестве преступных как в запрашивающем, так и в запрашиваемом государстве.

⁶ Court of Justice, ruling of 3-5-2007, case C-303/05, *Advocaten voor de Wereld*.

безусловно свидетельствует об ограничении суверенных прав.

Переоценка правила «двойного вменения» также стала поводом для возникновения проблем процессуального характера, связанных с правилом «ne bis in idem». Сущность противоречий сводится к необходимости точного понимания базовых элементов принципа «ne bis in idem» (в данном случае элемент «bis»)⁷ в условиях различного подхода к его толкованию среди стран-участниц и отсутствия гармонизации законодательств.

В рамках проведенного исследования диссертант устанавливает, что в правовой системе ЕС существуют разъяснения относительно функционирования принципа «ne bis in idem» в части трактовки понятия окончательного решения, однако они не применяются к положениям, регулирующим европейский ордер на арест. Данная ситуация существенно ограничивает действие рассматриваемого принципа, что тем самым лишает лиц, вовлечённых в процедуру передачи, гарантии не быть привлеченным к ответственности в случае, если рассмотрение дела завершилось на досудебных стадиях, например, путем применения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, которые широко распространены в Европе.

В завершении первого параграфа данной части исследования автор приходит к выводу о том, что стремление создать эффективный механизм передачи затмило собой надлежащее соблюдение прав и свобод при исполнении европейского ордера на арест, так как число гарантий соблюдения индивидуальных прав значительно сократилось. Вместе с тем подчеркивается и то, что концептуальные положения реформы также ограничивают суверенитет государств-членов в области уголовной юстиции.

Второй параграф «Европейский ордер на арест и принцип пропорциональности» сосредоточен на разрешении противоречия, образовавшегося в практике применения европейского ордера на арест, которое заключается в необходимости установления оптимального баланса между

⁷ Обозначенный элемент определяет, является ли решение по делу окончательным, обладающим свойством *res judicata*.

интересами безопасности (эффективным применением новой правовой конструкции) и надлежащим соблюдением индивидуальных прав в процессе реализации ордера на арест.

В первом подпараграфе «Новейшие проблемы реализации европейского ордера на арест» рассматриваются отдельные практические затруднения, которые поставили вопрос о пропорциональном использовании европейского ордера на арест в контексте должного учета интересов лиц, вовлеченных в процедуру передачи.

Совокупность возникших противоречий разделена автором на две группы.

Во-первых, проблемы, вызванные отдельными недостатками Рамочного решения (отсутствие в перечне оснований для отказа от исполнения ордера на арест случая нарушения прав и свобод человека; отсутствие правовых средств для обжалования решения о передаче лица; созданная неопределенность относительно обязательной силы отказа запрашиваемого государства от исполнения европейского ордера на арест; пробел в регулировании вопроса предоставления компенсации от государства, если будут нарушены права лица, подвергнутого передаче).

Во-вторых, противоречия, связанные с особенностями правового регулирования уголовно-процессуальных отношений в отдельных государствах-членах ЕС (возможность выдавать европейский ордер на арест на самых ранних стадиях расследования уголовных дел; исполнение ордера на арест в связи с малозначительными преступлениями; отсутствие эффективной системы оказания юридической помощи).

Во втором подпараграфе «Принцип пропорциональности как способ преодоления проблем функционирования европейского ордера на арест» автор демонстрирует взвешенное отношение европейской доктрины к принципу взаимного признания приговоров и судебных решений, которое выражается в идее о том, что в правовом пространстве ЕС не должно происходить автоматического признания судебных актов, а напротив, оно должно осуществляться с учетом принципа пропорциональности (т.е. зависть от

определенных обстоятельств).

Вместе с тем диссертант подчеркивает, что на наднациональном нормативном уровне отсутствуют какие-либо положения, ограничивающие автоматическое признание приговоров и судебных решений даже в случае нарушения прав и свобод человека, имеющих место в процессе применения европейского ордера на арест. Обозначенный тезис подтверждает практика Суда Европейского Союза по делам Radu⁸ и Melloni.⁹

В свою очередь, наднациональные власти ЕС пытаются разрешить создавшееся противоречие путем принятия нормативных актов, устанавливающих гарантии соблюдения индивидуальных прав при применении принципа взаимного признания в целом и европейского ордера на арест в частности. Однако автор обосновывает позицию, в соответствии с которой данное законодательное регулирование в совокупности с базовыми характеристиками европейского ордера на арест, которые существенно ограничивают суверенитет государств-членов, нацелены на создание определенного доминирования общеевропейской идеи над национальной. Таким образом, стратегическая цель закрепления принципа взаимного признания и конструирования института европейского ордера на арест заключалась в расширении евроинтеграции в сфере уголовной юстиции.

В то же время именно реализация обозначенной идеи привела к тому, что создание новой правовой конструкции существенно сказалось на должном соблюдении прав и свобод человека. В результате автор констатирует, что в настоящее время оптимальный баланс между требованиями безопасности и интересами личности в рамках применения европейского ордера на арест не установлен.

Третья глава «Европейский ордер на производство следственных действий: результат эволюции института взаимной правовой помощи в правовом пространстве Европейского Союза» состоит из двух параграфов и

⁸ Case C-396/11 Radu (2013).

⁹ Case C-399/11 Melloni (2013).

четырех подпараграфов, в которых поднимаются проблемы создания единого механизма осуществления взаимной правовой помощи по уголовным делам в рамках ЕС, в результате чего автор анализирует правовые особенности и процесс реализации институтов европейского ордера на получение доказательств и европейского ордера на производство следственных действий.

В первом параграфе «Европейский ордер на получение доказательств: этап на пути формирования комплексной системы взаимной правовой помощи в правовом пространстве Европейского Союза» рассматривается законодательное регулирование указанной правовой конструкции, которая представляет собой судебное решение, принятое одним государством ЕС для получения объектов, документов и данных от другого, а также показано, как отмеченные положения реализуются в условиях существенного различия уголовно-процессуальных систем государств-членов ЕС.

В первом подпараграфе «Европейский ордер на получение доказательств: особенности законодательного регулирования» диссертант анализирует ключевые характеристики данного института: положения, регулирующие выбор применимого процессуального права при исполнении механизма; круг органов, наделенных полномочием на выдачу ордера; перечень оснований для отказа от исполнения ордера; нормы, предоставляющие гарантии соблюдения прав и свобод человека при реализации ордера на получение доказательств.

В результате среди значимых новелл выделяется одновременное использование принципов *forum regit actum* (процедура определяется местом нахождения суда) и *locus regit actum* (процедура определяется местом производства процессуального действия), а также имеющиеся противоречия при их закреплении. Кроме того, немаловажным обстоятельством является наделение административных органов правом на выдачу ордера, а также существенное сужение действия принципа «двойного вменения». Обращается внимание на недостатки, имеющие место в регулировании положений, касающихся защиты прав и свобод человека при производстве следственных действий.

Второй подпараграф «Европейский ордер на получение доказательств: отказ от реализации института» посвящен причинам, которые привели к тому, что ордер на получение доказательств не был полноценно реализован в практической деятельности.

На официальном уровне отказ от применения института объяснялся узкой сферой действия института, в результате чего он может быть использован в целях получения ограниченного круга доказательств.

Однако автор связывает возможную неэффективность данного института с недостатками, вызванными закреплением принципа взаимного признания приговоров и судебных решений в области уголовной юстиции. Так, не были приняты во внимание различия качественного характера в регулировании уголовно-правовой сферы и общественных отношений, складывающихся на «внутреннем рынке» ЕС (принцип взаимного признания судебных решений был заимствован из концепции «общего рынка» и перенесен в уголовно-правовую сферу). В то же время установлено отсутствие каких-либо предпосылок, свидетельствующих о гармонизации законодательств в сфере уголовной юстиции. Вместе с тем взаимное доверие между процессуальными системами государств-членов, которое должно было стать основой функционирования принципа взаимного признания, провозглашается лишь на политическом уровне, причем без достаточных к тому оснований.

Учитывая обозначенные обстоятельства, а также особенности законодательного регулирования европейского ордера на получение доказательств, автор приходит к выводу о том, что успешное функционирование данной правовой конструкции было маловероятным.

Во втором параграфе «Европейский ордер на производство следственных действий: политико-юридический генезис» анализируются истинные причины создания нового института, сменившего ранее предусмотренный механизм европейского ордера на получение доказательств.

В первом подпараграфе «Европейский ордер на производство следственных действий: юридическая необходимость» освещены новеллы, внесенные

европейским ордера на производство следственных действий в область сотрудничества стран-участниц ЕС, который определяется в качестве судебного решения, выданного одним государством-членом с целью совершения на территории другого государства-члена определенных следственных действий, направленных на получение доказательств.

Автор анализирует проблемы выбора применимого права при исполнении ордера на производство следственных действий, устанавливает круг органов, которые могут выдавать ордер, рассматривает основания для отказа от исполнения института, а также поднимает проблему эффективности предоставленных средств правовой защиты.

Учитывая обозначенные правовые особенности ордера на производство следственных действий, диссертант приходит к выводу о том, что в Директиве были предприняты попытки учесть критические замечания, касающиеся ордера на получение доказательств. Однако сущностные аспекты не перестали носить противоречивый характер. Так, не была разрешена проблема координации принципов *locus regit actum* и *forum regit actum*. Ограничение принципа «двойного вменения» еще более расширилось и стало распространяться уже и на определенные виды следственных действий. Механизмы защиты индивидуальных прав также сохранили признаки декларативности.

Во втором подпараграфе «Европейский ордер на производство следственных действий: политическая целесообразность» освещается негативная реакция европейской доктрины, вызванная принятием Директивы о европейском ордере на производство следственных действий, а также скептическая позиция государств-членов ЕС по данному вопросу.

Принимая во внимание обозначенные обстоятельства, автор отвечает на вопрос о том, почему наднациональные власти ЕС игнорируют критические замечания и поддерживают избранный вектор развития, направленный на создание единого механизма получения доказательств в рамках Европейского Союза. В результате обосновывается вывод о том, что европейский ордер на производство следственных действий выступает механизмом, посредством

которого власти ЕС реализуют идею углубления евроинтеграции, ограничивая суверенитет государств-членов. Так, в процессе применения новой правовой конструкции запрашиваемое государство может быть связано требованиями ордера, в результате чего будет обязано действовать в соответствии с процессуальным законодательством запрашивающей стороны. Следственные действия могут производиться в отношении деяний, которые не являются преступными в исполняющем государстве (ограничение принципа «двойного вменения»). При этом единственный предоставленный механизм защиты индивидуальных прав сводится к подаче искового заявления в стране, выдавшей ордер. Данные обстоятельства безусловно свидетельствуют об ограничении суверенитета стран-участниц ЕС. Таким образом, стратегическая цель создания новой правовой конструкции направлена на расширение интеграционного взаимодействия.

В то же время автор отмечает, что официальная цель реформы, заключающаяся в преодолении недостатков традиционных институтов сотрудничества, также может быть достигнута, по крайней мере отчасти. Однако данная возможность представляется лишь побочным эффектом реализации более глобальной идеи, поскольку при конструировании нового механизма чаще всего создавались положения, еще более ограничивающие суверенитет государств-членов Европейского Союза.

В заключении излагаются итоги диссертационного исследования, рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации:

1. Чекотков А. Ю. Влияние конституционных принципов государств — членов Европейского Союза на регулирование европейского ордера на арест // Закон. 2016. № 2. С. 157–164. – 0,7 п. л.
2. Чекотков А. Ю. Принцип пропорциональности и европейский ордер на арест // Законодательство. 2016. № 5. С. 67–73. – 0,6 п. л.
3. Чекотков А. Ю. Особенности взаимной правовой помощи по уголовным делам в Европейском Союзе // Уголовный процесс. 2016. № 9. С. 90–96. – 0,5 п. л.
4. Чекотков А. Ю. Европейский ордер на производство следственных действий: юридическая необходимость или политическая целесообразность? // Государство и право. 2016. № 11. С. 118–122. – 0,7 п. л.